

А.С. Грибоедов и В.Ф. Одоевский в пушкинскую эпоху

В 2015 г. отмечается 220 лет со дня рождения выдающегося гуманиста, писателя и дипломата А.С. Грибоедова, жившего и творившего в судьбоносный период в истории России, «золотой век русской словесности», когда формировалось поколение русских интеллектуалов, определивших направление развития отечественной науки, культуры, просвещения. Рассказывается о взаимоотношениях активных участников этих процессов, преобразователей истории А.С. Грибоедова и В.Ф. Одоевского, об их совместных литературных и музыкальных занятиях, об истории и роли в литературном процессе 1820-х гг. альманаха «Мнемозина». В историческом контексте событий, происходивших в период, названный пушкинской эпохой, прослеживаются трагические судьбы друзей В.Ф. Одоевского и А.С. Грибоедова — декабристов А.И. Одоевского и В.К. Кюхельбекера. Определяется значение книжного и рукописного собрания В.Ф. Одоевского, вошедшего в состав библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музея — нового центра книжной культуры России.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, В.Ф. Одоевский, пушкинская эпоха, русский язык, русская литература, Мнемозина, В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский.

**Евгения Эдуардовна
Вишневская,**
заместитель заведующего
НИО рукописей
Российской
государственной
библиотеки,
кандидат исторических
наук

15 января 2015 г. исполнилось 220 лет со дня рождения Александра Сергеевича Грибоедова (1795—1829) — великого гуманиста, писателя, выдающегося дипломата, оставившего яркий след не только в истории литературы, но и в истории международных отношений России со странами Востока. Интерес к его наследию не ослабевает до сих пор. Об этом свидетельствуют многочисленные издания, вышедшие в последние годы, включая Полное собрание сочинений [9], работы, рассматривающие различные стороны жизни и творчества А.С. Грибоедова [10], а также посвященные его наследию научные конференции¹.

По роду службы и просто в дружеском кругу А.С. Грибоедов общался и сотрудничал со многими знаменитыми современниками: А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, П.А. Катениным, декабристами В.К. Кюхельбекером, М.П. Бестужевым-Рюминым, братьями М.Н. Муравьевым, С.И. Муравьевым-Апостолом, П.Я. Чаадаевым, С.П. Трубецким,

А.И. Одоевским. Однако есть в биографии этого замечательного человека страница, недостаточно освещенная исследователями и относящаяся к взаимоотношениям А.С. Грибоедова и князя В.Ф. Одоевского, двоюродного брата поэта и декабриста А.И. Одоевского.

Владимир Федорович Одоевский (1804—1869), философ, журналист, литератор, просветитель, вел свою родословную от легендарного Рюрика и был последним представителем знаменитого рода Одоевских [28]. Он дружил и сотрудничал с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, В.А. Жуковским, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, В.Г. Белинским. В.Ф. Одоевский родился, как и А.С. Грибоедов, в Москве, которая, по сравнению с европейским Петербургом, была средоточием русской жизни, хранительницей подлинного русского языка. Этот город будет воспет А.С. Грибоедовым в произведении «Горе от ума», в котором создан образ «грибоедовской Москвы» 1813—1825 годов.

Семьи Грибоедовых и Одоевских были в родственных отношениях: сестра отца В.Ф. Одоевского княжна Александра Сергеевна (1767—1791) была замужем за Александром Федоровичем Грибоедовым — родным братом матери А.С. Грибоедова². Дочери от этого брака — Елизавета и Софья — являлись двоюродными сестрами князя Владимира Федоровича. Елизавета вышла замуж за фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, князя Варшавского, графа Эриванского, а Софья — за Сергея Александровича Римского-Корсакова. (По некоторым предположениям, жена С.А. Римского-Корсакова послужила Грибоедову прообразом для создания образа Софьи [26].)

А.С. Грибоедов и В.Ф. Одоевский учились в Московском университетском благородном пансионе — уникальном образовательном учреждении, возвращавшем национальную элиту, созданном в 1779 г. и просуществовавшем до 1830 года. Поколение молодых людей, к которому они принадлежали, чувствовали себя активными участниками великих событий, преобразователями истории. «Это были большею частью добрые, умные, образованные молодые люди, принимавшие горячо к сердцу всякую несправедливость, к которой оставались равнодушны их отцы. Отцы их не знали русской действительности и игнорировали ее; дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать, — отмечал В.О. Ключевский. — Отцы были русские, которых воспитание сделало французами; дети по воспитанию были также французы, но такие, которым страстно хотелось сделаться русскими...» [13].

Учащиеся Университетского благородного пансиона с прилежанием занимались изучением иностранных языков. Так, А.С. Грибоедов уже в юности в совершенстве владел английским, французским, немецким и итальянским, хорошо понимал латынь и древнегреческий, позднее освоил персидский, араб-

А.И. Одоевский.

Художник М.И. Теребнев. 1823—1824 гг.

ский и турецкий языки. Несколько иностранных языков знал и В.Ф. Одоевский. Его библиотека в пору обучения в пансионе включала книги на четырех европейских языках (французском, итальянском, немецком, английском), а также учебники на латыни. Выполняя задания, он переводил произведения Лукиана, Диодора Сицилийского, Аполлодора и Страбона. Однако главное внимание в пансионе уделялось изучению русского языка и словесности. «Русский язык был главным, любимым предметом в пансионе, и русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познания, образовывались» [31]. Среди выпускников, окончивших Университетский благородный пансион, немало талантливых молодых людей, впоследствии ставших знаменитыми — И.П. Пнин, В.А. Жуковский, В.В. Вяземский, М.Ю. Лермонтов, П.М. Строев, С.П. Шевырев, декабристы Н.И. Тургенев, В.Ф. Раевский и др.

Первая треть XIX в. — судьбоносный период в истории России. Важнейшие исторические процессы, активно влиявшие на общественное сознание (небывалый патриотический подъем, связанный с событиями Отечественной войны 1812 г., декабристское движение, восстание на Сенатской площади), дали небывалый толчок, определили направление развития русской культуры, прежде всего — русской словесности. В этот период, названный в литературоведении пушкинской эпохой, золотым веком, огромное значение в общественном сознании приобрела любовь к русскому языку, создавалась национальная русская литература. «Первая треть XIX в. в России не случайно

определяется как “пушкинская эпоха”, — писал В.Э. Вацуро, — и этот термин означает не только эпоху, проходившую под знаком Пушкина, но и эпоху, его сформировавшую» [2].

В начале XIX в. воспитывалось новое поколение русской элиты, для которого характерны высокая степень гражданственности и прекрасное образование. Его представители, активные и полные творческих замыслов, считали, что будущее принадлежит именно «русским молодым людям, получившим европейскую образованность, опередившим, так сказать, свой народ и, по-видимому, стоящим мыслями наравне с веком и просвещенным миром» [33] и поставившим перед собой грандиозную цель — создать национальную культуру, равновеликую европейской. П.Н. Сакулин писал об этом времени: «К 20-м годам относятся первые, но уже горячие схватки классиков с “романтиками” (главным образом по поводу поэм А.С. Пушкина)... понемногу набирался сил литературный

реализм, чтобы проявить себя в гениальных созданиях А.С. Грибоедова (“Горе от ума”) и Пушкина (“Евгений Онегин”)» [34, с. 226]. Именно в этот период, во многом благодаря А.С. Пушкину, формировался русский литературный язык — основа русской поэзии и литературы, ставшей мировым культурным достоянием.

В.Ф. Одоевский, который был моложе А.С. Грибоедова почти на 10 лет, вступал в пространство книжной культуры России на самом передовом ее направлении, и закономерны его знакомство, тесное сотрудничество и искренняя дружба со многими известнейшими литераторами, издателями, просветителями того времени. В 1822 г. он опубликовал в «Вестнике Европы» (журнале, основанном Н.М. Карамзиным, в котором в 1814 г. вышло первое стихотворение А.С. Пушкина «К другу стихотворцу») свой прозаический цикл «Письма к Лужницкому старцу», т. е. издателю «Вестника Европы» М.Т. Каченовскому³. А.П. Пятковский считал, что «Вестник Европы»

Д.В. Веневицинов. Литография А.М. Мюнстера с портрета П.Ф. Соколова. 1827 г.

«служил тогда в Москве единственным пристанищем для новобранцев словесности» [29]. Здесь печатались Н.И. Надеждин, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Д.В. Давыдов, В.П. Андросов, А.И. Кошелев, А.С. Норов. Публикация цикла была продолжена в следующих номерах «Вестника Европы» произведениями «Странный человек», «Похвальное слово невежеству», «Дни досад»⁴. Главная тема в них — идейный раскол 1820-х гг.: конфликт «любомудров», к которым принадлежал В.Ф. Одоевский⁵, и представителей предыдущего поколения. В острой сатирической форме он высмеивал нравы провинциального дворянства и высшего света.

Печататься В.Ф. Одоевский начал под псевдонимом, и эта традиция осталась с ним навсегда, в течение жизни он использовал около 80 псевдонимов (см.: [5, с. 64]). Герой «Странного человека» Арист стал первым в галерее персонажей (продолженных впоследствии А.С. Грибоедовым и М.Ю. Лермонтовым), который «никому не делает зла, а добро по возможности; но, к несчастью, смешлив чрезвычайно: он забавляется, над всеми смеется, кажется, целый мир сотворен только для того, чтоб доставлять ему удовольствие» [20]. Грибоедова поразило сходство по духу Ариста и его собственного героя — Чацкого. Он постарался узнать имя сочинителя, и в 1823 г. писатели познакомились в Москве. Они стали очень дружны. «Знаю, что похвалю не ужогу Вам, — писал А.С. Грибоедов, — хотя бы

нечего возмущаться и самой щекотливой скромности от человека прямодушного, некроителя пустых вежливостей, и который высоко ценит свойства ума вашего и дарования» [6].

С этого времени и до лета 1825 г. друзья общались и вели переписку. Одним из важнейших совместных увлечений, послуживших их сближению, стала музыка. В доме Грибоедовых (под Новинским) часто организовывались музыкальные кружки. Именно здесь В.Ф. Одоевский познакомился в 1822 г. с Д.В. Веневитиновым, ставшим его другом и единомышленником, с которым в 1823 г. они создали «Общество любомудрия» [3]. Грибоедов и Одоевский встречались в доме С.Н. Бегичева, близкого друга Грибоедова, устраивавшего у себя музыкальные вечера, на которых присутствовала вся «грибоедовская Москва». Племянница С.Н. Бегичева Е.П. Соковнина отмечала, что в 1823 г. В.Ф. Одоевский посещал дом ее дяди практически ежедневно, в то время когда там находился А.С. Грибоедов: «Почти ежедневными посетителями дяди были, между другими, князь В.Ф. Одоевский, очень еще тогда молодой, почти юноша, и товарищ его по изданию сборника “Мнемозина” Кюхельбекер, который давал мне уроки русского и немецкого языков. Часто оживлял общество весельчак Верстовский, который тогда написал знаменитый свой романс “Черная шаль” и пелал его с особенным выражением, своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым. Остроумный и словоохотливый Денис Васильевич Давыдов сыпал острыми шутками и рассказами о былом. Понятно, что такое приятное общество, и притом с приправой лучших вин и изысканного обеда, приманивало многих посетителей» [1, с. 95].

Сам А.С. Грибоедов страстно любил музыку, отлично играл на фортепьяно, импровизировал, сочинял. К сожалению, большинство его произведений не были им записаны и, следовательно, не сохранились. До нас дошли лишь два чудесных вальса А.С. Грибоедова: Ми минор и Лябемоль мажор. Первый из них написан в течение зимы 1823/1824 г., Е.П. Соковнина вспоминала: «В эту зиму Грибоедов продолжал отделять свою комедию “Горе от ума” и, чтобы вернее схватить все оттенки московского общества, ездил на обеды и балы, до которых никогда не был охотник, а затем уединялся по целым дням в своем кабинете. Тогда по вечерам раздавались его чудные импровизации на рояли, и я, имея свободный доступ в его кабинет, заслушивалась их до поздней ночи. У меня сохранился сочиненный и написанный самим Грибоедовым вальс, который он передал мне в руки» [Там же]. Это была первая редакция вальса E-moll, его мелодия была использована М.М. Ивановым в опере «Горе от ума» [11]. Другой вальс, As-dur, был написан, по-видимому, тогда же.

А.С. Грибоедов. Портрет, гравированный в Лейпциге Геданом

В.Ф. Одоевский, глубоко любивший музыку, тоже был прекрасным музыкантом. Его родственница Е.В. Львова вспоминала: «Мы... видели во Владимире какое-то чудо артиста, — потому что он тогда уже играл с удивительной быстротой и беглостью на фортепиано самую трудную музыку, между прочим, Баховы фуги, сам сочинял и посвятил своего сочинения вальс сестре моей» [22]. Совместные занятия теорией музыки как науки (в то время было большой редкостью) сближали друзей. Их общие приятели, подсмеиваясь над ними, приговаривали: «Уж как Грибоедов с Одоевским заговорят о музыке, то пиши пропало; ничего не поймешь» [9, т. 3, с. 320]. Впоследствии, продолжая традиции изучения теории музыки, В.Ф. Одоевский сконцентрировался на изучении древнерусского пения — темы, которой до него никто не занимался. До сих пор В.Ф. Одоевский является крупнейшим теоретиком в данной области, его интерес к древнерусской музыке послужил импульсом к собиранию древних рукописей, ставших частью его ценнейшей библиотеки. Но еще в 1860-е гг. в одной из записок к нему А.С. Грибоедова князь сделал примечание: «Грибоедов был большой знаток нашей старины и едва ли не один из тогдашних литераторов (в собственном смысле этого слова) прилежно занимался русскими древностями. Летопись Нестора была его настольной книгою. Этим постоянным чтением А.С. Грибоедов приобрел необыкновенную в то время чистоту языка...» [37]. Судьба не дала возможности А.С. Грибоедову продолжить

Альманах
«Мнемозина».
Фронтиспис

свои труды по изучению древнерусских памятников письменности — к сожалению, он погиб в расцвете сил и таланта.

Когда В.Ф. Одоевский и В.К. Кюхельбекер решили издавать альманах «Мнемозина»⁶, то произошло это, по-видимому, с подачи А.С. Грибоедова, которого роднила с В.Ф. Одоевским любовь к литературе, науке и музыке. Он высоко оценил и всячески поддерживал начинания князя, помогал материально издателям «Мнемозины» и обсуждал с ними содержание, идейное направление альманаха. Искренняя поддержка знаменитого друга вдохновляла Владимира Одоевского.

В.К. Кюхельбекер осенью 1823 г. приехал в Москву, его целью стало создание нового журнала. На этой почве он сблизился с В.Ф. Одоевским, с которым познакомился немного ранее, около 1820 года. Одоевскому было всего 19 лет, однако он также страстно желал заняться

литературным трудом. Они объединили свои силы. Объявление о выходе в свет нового альманаха было напечатано в декабре 1823 г. в «Вестнике Европы». В состав альманаха предполагалось включать «повести, анекдоты, характеры, отрывки из романов и путешествий, рассуждения об изящных искусствах, отрывки из комедий и трагедий, стихотворения всех родов и краткие критические замечания» [15].

Главными сотрудниками «Мнемозины», конечно, были сами издатели: князь В.Ф. Одоевский (беллетристика, философия и публицистика) и В.К. Кюхельбекер (поэзия и критика). «Мнемозина» выпускалась в четырех книгах в течение 1824—1825 годов. В альманахе приняли участие А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов, А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Первая часть открывалась стихотворением А.С. Грибоедова «Давид» (перевод 151 псалма). А.С. Пушкин дал три стихотворения: «Вечер», «Мой демон», «К морю», опубликованные в разных частях издания.

От «Мнемозины» ожидали многого, и действительно альманах стал подлинным явлением в литературе 1820-х гг., одним из самых бурно обсуждаемых литературных событий. Издание удивило современников

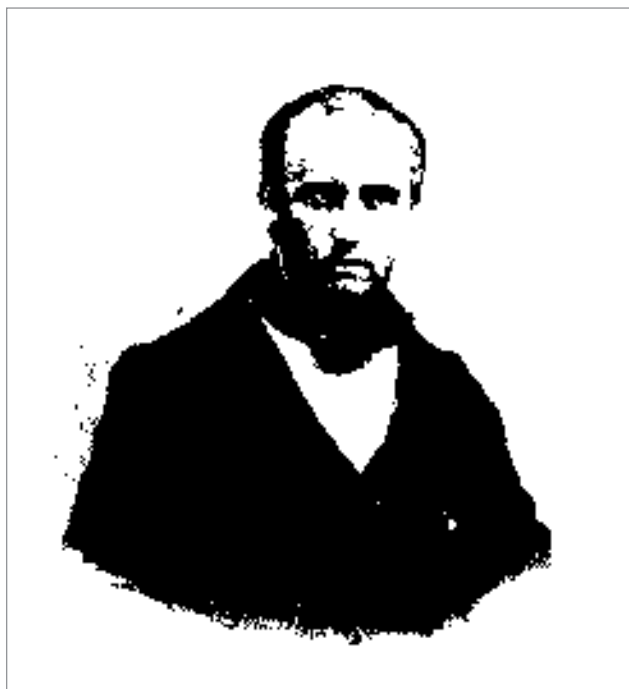
«смелостью удара» по общепризнанным литературным кумирам (подробнее о сути литературной полемики в «Мнемозине» см. [36]). В.Ф. Одоевский, подводя итоги в заключительной статье «Несколько слов о Мнемозине самих издателей», ставил в заслугу альманаху именно то, что была объявлена война «почти всем русским журналам, почти всем старым предрассудкам» [17]. Он серьезно работал над созданием научно-литературного журнала, в «Мнемозине» содержались все разделы, характерные для подобного издания: «Философия», «Военная история», «Изящная проза», «Стихотворения», «Путешествия», «Критика и Антикритика», «Смесь». Современники считали, что «Мнемозина» — «первый в России опыт учено-литературного сборника, подавший впоследствии Александру Сергеевичу Пушкину мысль к основанию «Современника»» [12].

В период написания «Горя от ума» А.С. Грибоедов делился своими мыслями с В.Ф. Одоевским, который искренне восхищался комедией. «У Грибоедова была такая же метода сочинения: он принимался за перо лишь тогда, когда уже решался больше не переменять. Он мне читал почти все «Горе от ума», когда еще ни одного стиха не было записано на бумаге, — писал В.Ф. Одоевский, — ибо некоторыми сценами он был еще недоволен. Так погибла безвозвратно его целая поэма «Грузинские ночи», где огромный талант Грибоедова являлся в совершенно новом виде» [16].

В.Ф. Одоевский в своих статьях всячески защищал автора комедии от несправедливой критики. Так, в четвертой части «Мне-

мозины» он высказался о «Горе от ума», как о «произведении, истинно делающем честь нашему времени, блистающем всею свежестию творческого вымысла, заслуживающем уважения всех своих читателей, кроме некоторых привязчивых говорунов» [17], имея в виду критика Михаила Дмитриева и его негативный отзыв о комедии в статье «Замечания на суждения “Телеграфа”» [4]. В 1825 г. в «Московском телеграфе» В.Ф. Одоевский резко выступил против М. Дмитриева, враждебно относившегося к творчеству А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, А.Н. Верстовского, опубликовав гневную статью «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии “Горе от ума”» [14]. Начинаящий публицист отстаивал произведение, которое, «конечно, не имеет нужды ни в похвалах, ни в защите от нападений г. Дмитриева; оно, без сомнения, переживет все журнальные статейки и все возможные прологи и проч. ...» [18]. Одоевский отзывался о Грибоедове, как о едва ли не единственном писателе, «который постиг тайну перевести на бумагу наш разговорный язык» [32]. Сатирические образы, придуманные А.С. Грибоедовым и воплощенные в комедии, он не раз использовал в своих критических статьях⁷.

Летом 1825 г. А.С. Грибоедов, отправляясь на Кавказ, писал В.Ф. Одоевскому: «Киев. 10 июня 1825. Благодарю тебя душевно за два письма, любезный друг, особенно за секретную почту. С первой строки я угадал, в чем дело. Не хочу льстить тебе, я полагал, что ты с чрезвычайно просвещенным умом, недеятелен, холоден, недостаточно заботлив о вещественных нуждах друзей твоих. Я судил по моим опытам, презираю деньги, достаток, богатство и как это все называется? Потом когда случится друг или просто хороший знакомый, в стесненном положении и требует помощи: смотришь: помочь нечем. — Я однако на твой щет грубо ошибся, и тем искреннее спешу в том признаться...» Далее он сообщал другу: «Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимир и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, Бог их ведает. Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются; прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет: зелень, тополи и виноградники, чего нет у нас! Хорошо однако, что побывал здесь в начале июня; говорят, что зимою немногим лучше северной России...» Заканчивал свое письмо А.С. Грибоедов дружеским поощрением в творчестве и заботливым пожеланием: «Прощай, милый мой мудрец, сердечно радуюсь твоим занятиям, не охлаждайся, они

В.Ф. Одоевский. Печать со стали Ф.А. Брокгауза в Лейпциге

всякой жизни придают высокое значение, и даже в Москве (откуда вынеси тебя Бог поскорее)...» [7]. А.С. Грибоедов, также как Александр Одоевский и Вильгельм Кюхельбекер, призывал Владимира выбираться из Москвы, стремился привлечь его к декабристскому движению.

С Александром Ивановичем Одоевским (1802—1839), двоюродным братом, а также родственником А.С. Грибоедова, поэтом и декабристом, В.Ф. Одоевский был чрезвычайно близок, его имя часто упоминается в дневнике князя, он «был эпохой в моей жизни, — писал Владимир Федорович. — Ему я обязан лучшими минутами оной. В его сообществе я находил то, чего я везде искал и нигде не находил. Что может заменить ту минуту, когда сердце, свободное от всех уз, совершенно раскрывается пред другим сердцем, как бы сливается с ним» [21]. Летом 1825 г. А.С. Грибоедов жил у А.И. Одоевского в Стрельне, а позже в Санкт-Петербурге. Они были очень дружны, и в письме к В.Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г. Грибоедов называет его двоюродного брата Александра своим «питомцем», «l'enfant de mon choix», считая, что он «тебя более по мне знает, из моих описаний, вы слишком были молоды, когда вместе жилали или виделись, и не могли составить себе решительного мнения друг о друге» [8].

Восстание декабристов разделило русское дворянское общество на два лагеря: людей, тайно сочувствовавших восставшим, и явных сторонников существующих порядков. К первым принадлежали прогрессивные писатели и поэты пушкинского круга, в том числе В.Ф. Одоевский.

Е.В. Львова, присутствовавшая при получении Владимиром Одоевским вестей о восстании 14 декабря, вспоминала: «Князь Владимир был поражен, как и все в Москве, последующими событиями; казалось, ни Александр, ни Кюхельбекер не поверяли ему ничего о своем обществе. Владимир, как мне помнится, был сумрачен, но спокоен, только говорил, что заготовил себе медвежьи шубу и сапоги на случай дальнего путешествия. Однако его не тронули» [34, с. 307].

А.С. Грибоедов в январе 1826 г. был арестован по делу декабристов и отправлен в Санкт-Петербург, но вскоре отпущен [38]. Вероятно, он был заранее подготовлен к аресту и успел уничтожить компрометирующие его бумаги. Александр Одоевский — член «Северного общества» и участник восстания 14 декабря 1825 г. — после осуждения был отправлен на каторгу на восемь лет, что стало страшным ударом для его брата. Когда А.И. Одоевскому был вынесен приговор, А.С. Грибоедов откликнулся на это событие стихотворением [9, т. 2, с. 234]:

А. О[ДОЕВСКОМУ]

*Я дружбу пел... Когда струнам касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!..
О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..*

Переживая за участь друга, А.С. Грибоедов пытался его спасти. Однако усилия не увенчались успехом: А.И. Одоевский был переведен на Кавказ из сибирской каторги уже после смерти А.С. Грибоедова. Он умер в 1839 г. в селении Пезуапе от малярии во время экспедиции на восточный берег Черного моря.

После освобождения из-под ареста с «очистительным аттестатом» А.С. Грибоедов вернулся на дипломатическую службу. Летом 1826 г. он ненадолго посетил Санкт-Петербург, куда после женитьбы перебрался В.Ф. Одоевский, но друзья не встретились, разминувшись буквально на один день. 4 сентября 1826 г. князь писал С. Соболевскому: «...уведомь меня, где и что Грибоедов, — останется ли он в Москве, долго ли и поедет ли в Грузию или нет; как и куда к нему писать; обо всех уведомь обстоятельно... Скажи еще Грибоедову, что теперь не могу ничего писать к нему, а есть много кое-чего — оставлю до удобственного случая, поцелуй его от меня и от души — слышишь ли — сколько в тебе достанет; надобно же, чтобы судьба насмеялась так надо мною — он выехал из Петербурга на другой день моего приезда. Расскажи ему о моей женитьбе, опиши ему женщину, которая одна осмелилась понимать меня, принять во мне участие, женщину с светлою головою, с горячим сердцем, одним словом расскажи все что знаешь, вырази ему то, что я сам словами не могу выразить — Грибоедов поймет этот немой язык; — скажи ему, что я скоро ему все сам опишу...» [30].

В марте 1828 г. А.С. Грибоедов вновь побывал в Санкт-Петербурге: ему было поручено доставить Николаю I Туркманчайский договор. В.Ф. Одоевский работал в это время над подготовкой Цензурного устава 1828 г., частью которого стало «Положение о правах сочинителей» — первый закон об авторском праве в России. Факты биографии В.Ф. Одоевского и его собственные высказывания свидетельствуют о том, что он являлся автором и активным участником принятия этого документа. Тогда друзья вновь не встретились: В.Ф. Одоевский узнал о приезде А.С. Грибоедова от Ф.В. Булгарина,

столкнувшись с ним случайно на квартире Грибоедовых [27].

Весной 1828 г. А.И. Кошелев рассказал Владимиру Федоровичу о своей встрече с А.С. Грибоедовым, а в мае 1829 г. В.Ф. Одоевский получил известие о его смерти, которую переживал очень тяжело, как и все друзья поэта и дипломата. 2 декабря 1829 г. С.Н. Бегичев писал В.Ф. Одоевскому: «Да, любезный Владимир [Федорович], было время, которое мы провели с вами весело в Москве, но где тот, который был душою наших бесед? Нам осталось только горестное, смешанное, однако ж, с некоторым наслаждением воспоминание! Станем благодарить судьбу и за кратковременные все радости усеянной всякого рода неприятностями нашей жизни» [24].

В.Ф. Одоевский бережно хранил память о А.С. Грибоедове и участвовал в написании статьи о нем в «Энциклопедическом словаре» А.А. Плюшара [1, с. 334]. Спустя 20 лет дальний родственник А.С. Грибоедова Д.А. Смирнов, исследуя его жизнь и творчество, обратился за материалами для исследования к Владимиру Федоровичу, которые тот любезно предоставил [35]. Одоевский глубоко чтит память друга, а грибоедовский образ Фамусова часто помогал ему для резкой критики типичных представителей современного ему общества [19].

Подводя итоги и вспоминая своих друзей, определивших пушкинскую эпоху, В.К. Кюхельбекер писал В.Ф. Одоевскому 3 мая 1843 г. из Тобольской ссылки: «Ты теперь у меня один: нынешнее поколение мне чуждо во всех отношениях. Я постепенно — не оплакал (слезы что-то ныне не даются мне), а болезненно, с мучением пережил и моего единственного Грибоедова, и доброго толстяка Дельвига, и лучшего поэта России Пушкина, и бедного твоего брата Александра, и, наконец, даровитого Баратынского... Ты, напротив, наш: тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали наше лучшее... Я в тебе уверен: ты в память своего брата, в память Грибоедова употребишь все возможное, чтобы оказать услугу человеку, который был их и твоим другом» [25].

До конца своей жизни В.Ф. Одоевский деятельно трудился на благо России. Наряду с множеством общественных занятий он продолжал бережно собирать свою библиотеку, частью которой был интереснейший архив. Петр Иванович Бартнев (1829—1912) — историк, литературовед, издатель в 1860-е гг., работая над очередным выпуском журнала «Русский архив», использовал материалы, любезно предоставленные В.Ф. Одоевским. «1864 года 5-го дня взято мною в присутствии С.А. Соболевского сто двадцать шесть листов (в подлинниках и копиях) разных записок, писем и пр. Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Глинки, — свидетельствовал П.И. Бартнев, — принадлежащих кн. В.Ф. Одоевскому...» [23]. Библиотека В.Ф. Одоевского, которую он с

любовью собирал всю жизнь и которая составляла более 6 тыс. книг и брошюр, после его смерти практически полностью вошла в состав Румянцевского музея, служению в котором он отдал 15 лет. Вместе с такими крупными коллекциями, как библиотеки А.С. Норова, С.Д. Полторацкого, М.П. Погодина и других отечественных деятелей науки и культуры, это собрание стало фундаментом нового центра книжной культуры России.

Примечания

- ¹ Научная конференция «Грибоедовские чтения» (Ереван, Армения, 2008, 2009); Международные грибоедовские чтения «А.С. Грибоедов и современность» (Алушта, Крым, 2012); ежегодные «Грибоедовские чтения» в усадьбе Хмелита (Смоленская обл.) и др.
- ² Мать А.С. Грибоедова Анастасия Федоровна (1768—1839) в девичестве также носила фамилию Грибоедова.
- ³ Лужницким старцем называли в литературных кругах издателя «Вестника Европы» Михаила Трофимовича Каченовского, жителя Малых Лужников.
- ⁴ Вестник Европы. — 1822. — № 123. — С. 232—235; № 124. — С. 141, 302. Подп. N.N.; Странный человек // Там же. — № 125. — С. 140—146. Подп. Одвский; Похвальное слово невежеству // Там же. — № 126. — С. 280; Отрывки из Лабрюйера // Там же. — С. 61. Подп. Одвск. и Од.; К Лужницкому старцу // Там же. — № 129. — С. 11, 51. Подп. М.П.; Дни досад // Там же. — № 130. — С. 34, 206; 1823. — № 131. — С. 219, 299; № 132. — С. 24, 104. Подп. Одвск.
- ⁵ В 1823 г. Владимир Одоевский и его друг — поэт Дмитрий Веневитинов создали знаменитое «Общество любомудрия», объединившее в своих рядах представителей передовой дворянской молодежи Москвы. Оно просуществовало до 1825 г., после восстания декабристов В.Ф. Одоевский сжег его устав и материалы.
- ⁶ Мнемозина — титанида, дочь Урана и Геи, богиня, олицетворявшая память, мать муз, рожденных ею от Зевса (Евтерпа, Клио, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Уралия, Каллиопа). Обладает Всеведением. Когда поэтом овладевают музы, он пьет из источника знания Мнемозины, т. е. он прикасается к познанию «истоков», «начал» (см.: Мифы народов мира: в 2 т. — М., 1991—1992. — Т. 2. — С. 161).
- ⁷ «Антикритика», «Рогнеда и другая новая опера Серова», «Перехваченные письма», «Русская или итальянская опера?» и др.

Список источников

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М., 1980. — С. 95, 334.
2. Вацуро В.Э. Пушкин и литературное движение его времени [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 59. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/vac.html>

3. *Веневитинов Д.В.* Полное собрание сочинений / Д.В. Веневитинов. — М. ; Л., 1934. — С. 363.
4. Вестник Европы — 1825. — Ч. 140. — № 6. — С. 109—123.
5. *Вишневская Е.Э. В.Ф. Одоевский в истории книжной культуры России (1820—1860-е гг.)* : монография / Е.Э. Вишневская. — М. : Пашков дом, 2014. — 485 с.
6. *Грибоедов А.С.* Письмо В.Ф. Одоевскому. Осень 1823 г. // А.С. Грибоедов. Сочинения. — М., 1988. — С. 491.
7. *Он же.* Письмо к В.Ф. Одоевскому 10 июня 1825 г. // Русский архив. — М., 1864. — № 7—8. — Стлб. 812.
8. *Он же.* Письмо Одоевскому В.Ф., князю, 10 июня 1825 // А.С. Грибоедов. Сочинения / подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. — М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. — С. 563—565.
9. *Он же.* Полное собрание сочинений : в 3 т. / А.С. Грибоедов ; [редкол.: С.А. Фомичев (гл. ред.) и др.] ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) — СПб. : Нотабене, 1995—2006.
10. *Дмитриев С.Н.* Грибоедов. Тайны смерти Вазир-Мухтара / С.Н. Дмитриев. — М. : Вече, 2014. — 254 с. ; *Богданова О.В.* «Сценическая поэма» А. Грибоедова «Горе от ума» / О.В. Богданова. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2013. — 57 с. ; *Волкова М.А.* Грибоедовская Москва : в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской, 1812—1818 гг. / М.А. Волкова ; [пер. с фр. М. Свистуновой ; предисл. коммент., указ. имен Е.Н. Савиновой] ; Гос. публ. ист. б-ка России. — М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2013. — 460 с. ; *Орлова Л.Г.* Грибоедов и эпоха : сб. материалов / Л.Г. Орлова, И.С. Катченкова. — СПб. : [б. и.], 2013. — 147 с. ; *Александрова М.А.* «Горе от ума» А.С. Грибоедова в литературном контексте 1810—1820-х гг. : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / М.А. Александрова. — Н. Новгород : НГЛУ, 2012. — 216 с. ; *Гулиев Г.М.* Смерть дипломата, или К истокам конфликта в Карабахе историко-публицистический очерк / Г.М. Гулиев. — Изд. 2-е, ил., перераб. и доп. — Баку : Нурлан, 2012. — 223 с. ; *Минчик С.С.* Грибоедов и Крым : монография / С.С. Минчик ; Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. — 275 с. ; *Филиппова А.А.* А.С. Грибоедов и русская усадьба : сборник / А.А. Филиппова. — Смоленск : [б. и.], 2011. — 178 с. ; *Цимбаева Е.Н.* Грибоедов / Е.Н. Цимбаева. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Молодая гвардия, 2011. — 549 с. ; *Аринштейн Л.М.* С секундантами и без... : убийства, которые потрясли Россию : Грибоедов, Пушкин, Лермонтов / Л.М. Аринштейн. — М. : Грифон, 2010. — 189 с. ; Великая иллюзия или мнимая нелепость? : (о встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) : науч. доклад / Сидоров И.С. — СПб. : Всерос. музей А.С. Пушкина, 2010. — 50 с. ; *Мокиенко В.М.* «Горе от ума» А.С. Грибоедова : цитаты, литературные образы, крылатые выражения : учеб. словарь-справочник : учеб. пособие для вузов / [В.М. Мокиенко и др.] ; общ. ред. К.П. Сидоренко. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. — 463 с. ; А.С. Грибоедов как явление истории и культуры : [сборник] / [сост. и ред. А.С. Хачатрян (Артемис)]. — М. : Менеджер, 2009. — 157 с. ; *Поляков А.Е.* Словарь языка А.С. Грибоедова / А.Е. Поляков. — М. : Языки славянской культуры, 2008. — 432 с.
11. *Иванов М.М.* Горе от ума : комическая опера в 4-х действиях / текст А.С. Грибоедова ; музыка М.М. Иванова. — М., [б. г.]. — 391 с.
12. Из бумаг князя В.Ф. Одоевского // Русский Архив. — СПб., 1864. — № 7—8. — Стлб. 805. — Прим. 3.
13. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 5 / В.О. Ключевский. — Пг., 1922. — С. 214—215.
14. Московский телеграф. — 1825. — Ч. 3. — № 10 (Приложение «Антикритика»). — С. 1—12.
15. Объявление о создании альманаха Мнемозина // Вестн. Европы. — М., 1823. — № 24. — С. 316—318.
16. *Одоевский В.Ф.* Музыкально-литературное наследие / В.Ф. Одоевский. — М., 1956. — С. 373—374.
17. *Он же.* Несколько слов о Мнемозине самих издателей // Мнемозина. — М., 1825. — Ч. 4. — С. 232.
18. *Он же.* О литературе и искусстве / В.Ф. Одоевский. — М., 1982. — С. 23.
19. *Он же.* Перехваченные письма // В.Ф. Одоевский. Сочинения : в 2 т. — М., 1981. — Т. 1. — С. 332.

20. *Он же*. Странный человек (К Лужницкому Старцу) // Вестн. Европы. — 1822. — № 13. — С. 140.
21. ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Пер. 95. Л. 60 об. — 61.
22. Там же. Оп. 1. Пер. 101. № 15. Л. 1.
23. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л. 2.
24. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 227.
25. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г. — СПб., 1890. — С. 69—73.
26. *Пиксанов Н.К.* Прототипы «Горя от ума» // Грибоедов А.С. *Горе от ума*. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1987. — С. 445, 449.
27. *Он же*. Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова // Русская старина. — 1905. — № 12. — С. 710—718.
28. Потомство Юриика: материалы для составления родословий / сост. А. Власев. — Т. 1. Князь Черниговские. — Ч. 1. — СПб., 1906. — 660 с.
29. *Пятковский А.П.* Из истории нашего литературного и общественного развития. Историко-литературные характеристики. Князь В. Одоевский и Д. Веневитинов с портретами и письмами кн. Одоевского, барона Жюмини и кн. Вяземской. — СПб., [1901]. — С. 30.
30. РГАЛИ. Ф. 365. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4.
31. *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского / В.И. Резанов. — СПб., 1901. — Вып. 1. — С. 47.
32. Русские повести XIX века 20—30-х гг. — М.; Л.: Гос. изд. худ. лит., 1950. — Т. 2. — С. 134.
33. Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. — М., 1974. — Т. 2. — С. 610.
34. *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель / П.Н. Сакулин. — М., 1913. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 226, 307.
35. *Смирнов Д.А.* Письмо к В.Ф. Одоевскому // Русская старина. — 1904. — № 8. — С. 425—428.
36. *Турьян М.А.* Странная моя судьба: О жизни Владимира Федоровича Одоевского / М.А. Турьян. — М., 1991. — 398 с.
37. *Фомичев С.А.* Грибоедов: энциклопедия / С.А. Фомичев. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 268.
38. *Шимановский Н.В.* Арест Грибоедова // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Федерация, 1929. — С. 143—152.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

*Контактные данные:
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5;
e-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru*

Анонс

Вишневская Е.Э. В.Ф. Одоевский в истории книжной культуры России (1820—1860-е годы) / Е.Э. Вишневская. — М.: Пашков дом, 2014. — 485 с.

Фундаментальное историческое исследование деятельности Владимира Федоровича Одоевского (1804—1869) — русского писателя, философа, музыкального критика, члена-учредителя Русского географического общества. В монографии широко освещена литературно-издательская и просветительская деятельность В.Ф. Одоевского, его сотрудничество с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, М.Ю. Лермонтовым, Ф.М. Достоевским.

Вся жизнь В.Ф. Одоевского, вся его деятельность «на благо просвещение» соотечественников в качестве заместителя директора Императорской публичной библиотеки и директора Румянцевского музея, его благотворительная деятельность и собирание собственной библиотеки стало ярчайшим примером высокого служения России и внесло неоценимый вклад в ее культуру.

Иллюстрации, письма, воспоминания, цитаты из произведений, служебные записки, исторические документы, представленные в монографии, — это своеобразный срез XIX века.

*Справки и приобретение по адресу:
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
ФГБУ «Российская государственная библиотека»
Издательство «Пашков дом»
E-mail: pashkov_dom@rsl.ru
Тел.: +7 (495) 695-59-53*